

94(368) + 94(363.2)

МЕЧ В СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ VIII – XI ВВ.*С. А. Васютин, И. А. Кабурнеев*

Мечи получают сравнительно широкое распространение у древнегерманского населения Северной Европы в эпоху Великого переселения народов (поздний римский век). Судя по археологическим находкам, наиболее часто встречались три вида мечей. Первый – длинный обоюдоострый римский меч, который правильнее называть «кельтским», потому что такие мечи для конных воинов создавались по кельтским образцам (кельтский оригинал в литературе называют «спата» / *spatha*) и нередко кельтскими же кузнецами. Образцовые находки таких «кельтских» мечей были обнаружены в погребении № 2 в Кюндбю и Билдсе на о. Зеландия, в болотах в Торсебьере (Южная Ютландия), Вимозе, Нидаме (Нюдам) и многих других местах. Гораздо реже среди скандинавских находок встречались короткие мечи, своими размерами напоминая римские «гладиусы» [1; 2; 3]. Третьим видом меча был сакс (лангсакс, скрамсакс) – боевой однолезвийный нож длиной обычно около 50 см. Его популярность объяснялась тем, что он был значительно дешевле и легче в изготовлении, чем кельтские мечи [3; 5]. В целом археологические исследования свидетельствуют, что среди мечей, обнаруженных на территории Скандинавии и Ютландии преобладало импортное оружие, разными путями попавшее на север.

Стоит обратить внимание на то, что уже в первой половине I тыс. н. э. меч воспринимался германцами не просто как оружие, а как сакрализованный объект, который входил в состав жертвенных кладов. В некоторых случаях, как, например, клад в болоте Нидам, число мечей достигало сотни и более. Причем большинство мечей было найдено согнутыми и с глубокими зарубками на клинках. Мечи также представлены в элитных захоронениях древних германцев. Как и в случае с кладами, в болотах в ряде захоронений такие мечи были предварительно согнуты и уже не годились к употреблению. В то же время находки парадных мечей в некрополях германских вождей предположительно говорят о том, что погребенные вожди-воины должны были появиться в потустороннем мире с оружием и другими предметами сопроводительного инвентаря. Отсутствие мечей в рядовых захоронениях может гипотетически объясняться традицией передавать оружие сыновьям, родственникам или знатым воинам за определенные заслуги перед семьей покойного. Во всяком случае подобные факты не редкость для раннесредневекового периода. По всей видимости, в эпоху Великого переселения народов сколько-нибудь единой традиции употребления оружия в погребальных ритуалах еще не возникло [3].

Мечи, сходные по форме с меровингскими мечами (вероятно, привозные или являющиеся подражанием), известны по погребальным памятникам вендельского периода (VI – VIII вв.). Название периоду дали курганы знаменитого некрополя Вендель в Средней Швеции. Вендельское оружие, в том

числе и мечи, были отделаны с исключительной пышностью и великолепием. Торжественное и парадное такое оружие вряд ли предназначалось для боя. Скорее, они служили для церемониальных выездов и ритуалов, связанных с регулярными сборами народного ополчения, которые совпадали как с религиозными праздниками, так и с собраниями тингов [4]. Г. С. Лебедев образно охарактеризовал эту эпоху словами из «Старшей Эдды». По его мнению, только современник Инглингов (в вендельский период династия в Упсале – главном административном и религиозном центре Средней Швеции) мог воскликнуть:

У нас семь палат,
полных мечами,
их рукояти
в резьбе золотой... [7].

Ведущее место в наступательном комплексе меч занимает в «эпоху викингов», принятая западноевропейская хронология которой охватывает период с 793 по 1066 гг. Восточноевропейское направление экспансии викингов можно ограничить серединой VIII – первой половиной XI вв. В этот период во всей Европе получает распространение так называемый ранний каролингский меч, продолжавший традиции меровингского меча. Специалистами он характеризуется как «одно из основных и, безусловно, наиболее эффективное оружие Европы в VIII–XIII вв. [5]. Типичный каролингский меч при средней длине 75 – 110 см отличался выдающимися рубящими характеристиками, прочностью, надежностью и легкостью конструкции. Прототипные и основная масса собственно каролингских мечей создавались в рейнских мастерских, активно импортировалась и воспроизводилась в Скандинавии, на Руси и во многих других регионах Европы.

Мечи эпохи викингов состояли из пяти частей: кованого стального лезвия; гарды, расположенной возле лезвия; затем шла плоская рукоять меча, сужающаяся от лезвия вверх; вторая крестовина или эфес и, наконец, треугольный, полукруглый или многогранный набалдашник (навершие), с помощью которого сбалансировался меч. По середине плоскости клинка с двух сторон проходил жёлоб (дол). Он создавал ребра жесткости, что делало меч прочным, и одновременно более легким.

Меч почти всегда использовался для рубящих, а не колющих ударов. Он весил от 2 до 3 фунтов, и обычно его держали только в одной руке, хотя смелый боец мог отбросить щит или перевесить его на спину и использовать обе руки, чтобы нанести более сильный удар. Как говорил датский историк Саксон Грамматик: «В старину в сражениях люди не стремились быстро и непрерывно обмениваться ударами; бывали перерывы и определенная очередь в ударах; весь поединок заканчивался несколькими ударами, но удары эти были ужасны. Почиталась скорее мощь, нежели число ударов».

Мечи викингов часто имели своеобразную заточку. Оттачивалась только верхняя треть клинка, нижние две трети слабо или вообще не затачивались. Воины, парюруя удары, подставляли нижнюю, слабо заточенную часть клинка, а наносили удары верхней частью. Таким образом, острое лезвие меча предохранялось от поломки и зазубрин.

Для меча в первую очередь было необходимо негнувшееся лезвие, так как во время боя лезвием меча наносились тяжелые удары; как колющее оружие меч в раннее средневековье практически не использовали. Для того чтобы добиться необходимой прочности, нужно было увеличить содержание углерода в доступной кузнецу железной руде (поскольку оно было слишком низким). Этого добивались с помощью сложной и красивой техники, известной как «узорчатаяковка» или «узорная сварка» (дамаскирование), известной задолго до эпохи викингов. Такая технология изготовления мечей применялась еще в I тыс. н. э. Лезвие меча состояло из множества тоненьких брусков (полос) железа, «упакованного» в угли, которое раскаляли добела, пока его поверхность не впитает достаточно углерода и не превратится в сталь (хотя основа при этом оставалась железной). Сердцевина брусков была темной, а стальная поверхность – более светлой. Затем, для более равномерного распределения стали, железные полосы складывали вдвое, охлаждали различными способами, а затем проковывали; потом снова складывали вдвое и снова проковывали. Наконец, такой пучок перекрученных брусочков сваривали. Получалась центральная часть клинка. К ней приваривали две полоски из наилучшей стали, которые образовывали режущие края. Затем весь клинок полировали и придавали ему форму. В ходе этого процесса в центральной части клинка образовывался узор: переплетающиеся полосы стали и простого железа выглядели как клубящиеся светлые и темные волны, как извивающиеся змеи или ветви [3]. Конечно, цель сварки была чисто практической, однако полученные змеиные узоры придавали оружию не только эстетический вид, но и превращали его в символ доблести героя, придавала мечу мифологический смысл, связь со змеиным жалом. Поэтому так популярен сюжет о змеиных мечах в североевропейской эпической традиции:

Также герою стало подспорьем
То, что вручил ему вития Хродгаров:
Меч с рукоятью, старинный Хрунтинг,
Лучший из славных клинков наследных;
(были на лезвии, на крови закаленном,
зельем вытравлены узорные змеи)... [8].

Сюжет о мечах со змеиными узорами часто фигурирует в эпической литературе Скандинавии и Англии, а также в скальдических произведениях. Лезвие меча «пестрое, как змеиная кожа» упоминается и в «Беовульфе». Вполне уместное сравнение меча со смертельно ядовитой змеей продолжало использоваться еще долго после того, как «узорчатаяковка» ушла в прошлое.

Если содержание углерода в клинке было достаточно высоким, то его можно было сделать еще

тверже посредством закалки. Для этого меч снова раскаляли и затем охлаждали – так быстро и резко, как только было возможно, погружая его в какую-нибудь жидкость. Неизвестно, какая именно жидкость использовалась. Вполне вероятно, что это была не просто вода, поскольку в таком случае вокруг раскаленного клинка слишком быстро образовался бы «барьер» из пара, который мог помешать ему охладиться мгновенно. Высказывались предположения, что это могло быть масло, мед или влажная глина. Процесс закалки был строго охранявшейся профессиональной тайной кузнецов.

На поясе Нидуда
Меч мой сверкает, его наточил я
Как можно острее
И закалил
Как можно крепче;
Мой меч навсегда
От меня унесли,
Не быть ему больше
в кузнице Вёлунда... [7].

В Северной Европе широко была распространена вера в то, что мечи закаляли в крови, и такие мечи были гораздо опаснее обычных. В «Беовульфе» говорится, что один необыкновенно благородный клинок был «закален в крови» [8]. Наконец, лезвие меча затачивали и всю его поверхность делали гладкой и блестящей с помощью какой-нибудь некрепкой кислоты (уксуса, мочи или дубильной кислоты), в результате чего «узоры» на поверхности выступали еще ярче. Возможно, именно из-за этой обработки кислотой поэты иногда упоминают о «яде» в связи с оружием, поскольку нельзя считать, что оно в буквальном смысле было отравлено. В одной поэме из «Старшей Эдды» описывается меч Сигурда Вэльсунга, причем, судя по всему, имеется в виду именно процесс изготовления: «Был клинок в огне закален, капли яда таил он в себе...» [7].

К концу IX столетия в континентальной части Западной Европы, а затем и не ее севере, на смену ранним каролингским мечам пришли мечи нового типа (поздние каролингские мечи), с гораздо более высоким содержанием углерода (до 75 %). Углерод равномерно распределялся по всему клинку, так что в «узорчатойковке» нужды больше не было (хотя мечи в такой технике изготавливались еще достаточно долго). Возможно, это улучшение произошло в результате того, что стали доступны более высококачественные руды. Видимо, усовершенствовалась и конструкция плавильных печей. Новые лезвия были не только прочнее, но и легче. У этих мечей были более длинные клинки, которые резко сужались к концу лезвия. В связи с этим центр тяжести у них ближе к рукояти, поэтому ими было легче не только наносить резкие рубящие удары, но и колоть. Также такие мечи можно было гораздо быстрее поднимать после удара и превращать передний удар в боковой, применяя гораздо меньше сил, чем с мечом старой конструкции [3].

Появление таких мечей совпало с возникновением нового способа клеймить лезвия, на которых

часто встречается имя ULFBERHT. Мечи с именем этого мастера встречаются по всей Европе. Впервые такие мечи появляются незадолго до 900 года. Их продолжали изготавливать на протяжении более 200 лет, видимо, потомки и ученики первого Ульфберхта, чье имя продолжали использовать в качестве фирменного знака. По распространению мечей «Ульфберхта» кажется вероятным, что изготавливались они где-то в Рейнской области (которая и в последующие века славилась своими мечниками) и что они импортировались в Скандинавию через Хеддебу. Вторая группа мечей – с метками INGERLI – начала появляться в Скандинавии в X веке; считается, что они франкского происхождения. Однако встречались и мечи-подделки с искаженными именами мастеров. То, что подделывали две различные марки, доказывает, что эти клинки считались лучшими из всех; иначе в воспроизведении клейма не было бы никакого смысла [3]. Неизвестно, существовали ли в Северной Европе какие-либо центры, где в достаточном количестве изготавливалось высококачественное оружие. Археологические данные свидетельствуют о том, что квалифицированные мастера работали в Англии, но в Скандинавии точные аналоги рейнским и франкским мечам не изготавливались. Здесь преобладали мечи худшего качества, сделанные из местного озерного железа.

Самые лучшие мечи завозились в Скандинавию из Рейнланда. Карлу Великому пришлось наложить запрет на экспорт мечей и лезвий из своих владений из-за тех разрушений, которые совершали викинги на севере. Следует отметить, что ему пришлось особо запретить церкви экспортировать великолепное оружие, производимое ее общинами, ибо поначалу они считали, что данный запрет на них не распространяется!

Судя по западноевропейским и восточным источникам, меч был обязательным атрибутом скандинавского воина и купца. Так, арабский путешественник Ибн Фадлан описывает свою встречу с русами (викингами) в Булгаре и указывает, что «у каждого из них имеется секира, меч и нож, и он никогда не расстается с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские» [6].

Меч являлся символическим предметом. В руках конунга он олицетворял власть. Полученный в награду за подвиги меч, как и изделия из драгоценных металлов, были символами удачи и доблести [9]. В Скандинавии на свадьбе жених и невеста обменивались мечами, меч мужа потом хранили для его сына.

Меч был неразрывно связан с воином, причем избранным героям соответствовало избранное оружие. В эпосе они словно бы изначально предназначались друг другу, словно ждали «встречи» друг с другом. Так, Беовульф, вступивший в бой с матерью Гренделя в болотных глубинах, когда понял, что меч Хрунтинг не может причинить чудовищу вреда, находит другой меч, который ждал его в доме Гренделя со времен существования великанов [8]. В то же время из других примеров видно, что рано или поздно меч героя начинает жить своей собственной

жизнью, не зависящей от него. Нынешний владелец меча обладает им временно, он – всего лишь один из длинной цепочки людей, владевших этим предметом, который станет достойным его потомком. Таким образом, меч осуществляет преемственность поколений и связь между героями, но он же может послужить и причиной трагедии. Но не только меч мог влиять на человека, которому он принадлежал, герой также передавал часть собственных качеств мечу. Вот почему из всех даров, которыми удачливый конунг мог одарить своих соратников, делясь с ними собственной силой, отвагой, везением, самым лучшим являлся меч. Закономерно, что он вызывал наибольший страх, ведь любой человек с мечом в руке олицетворял собой силу и власть.

С другой же стороны, чужой меч воспринимался как нечто опасное, к чему не стоит даже прикасаться, дабы не накликать беду. Интересно, что пришедшее в Северную Европу христианство даже не пыталось бороться с этим совершенно языческим обожествлением оружия. Напротив, оно использовало его в своих целях: разрешив приносить на нем клятвы в судебных поединках, священники приравнивали его к Евангелию. Очень несомненно второе смогло вытеснить первое. Как и положено легендарному наследству, мечи викингов имели имена, часто столь же резкие и выразительные, сколь вычурны были их эфесы. Например, Gramr (Неистовый), Gásíða (Серые бока), Gunnlogi (Пламя би твы), Fotbitr (Пожиратель ступней), Leggbitr (Пожиратель ног), Kuernbut (Разрушитель камней), Skrofnung (Укус), Nadr (Гадюка) и Naegling (Пронзающий).

Меч для викинга был больше, чем просто оружие, клинок берегли и передавали по наследству, на нем произносили клятвы и его именем проклинали врагов, жених и невеста обменивались мечами на свадьбе, мечом конунг одаривал удачливого и успешного воина, совершившего подвиг на поле брани, передавая ему частицу собственной силы, славы и везения. Потерять меч было величайшим позором, равным по значению трусости. Меч был вместилищем духа воина, его силы и его вторым я. После смерти владельца его меч, следовал за усопшим воином в могилу. Таким образом, мы можем говорить о сложившемся в эпоху викингов скандинавском культе меча.

Литература

1. Клиндт-Йенесен, О. Дания до викингов / О. Клиндт-Йенесен. – СПб.: Евразия, 2003. – 288 с.
2. Тодд, М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура / М. Тодд. – М.: Центрполиграф, 2005. – 223 с.
3. Окшотт, Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Э. Окшотт. – М.: Центрполиграф, 2004. – 398 с.
4. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки / Г. С. Лебедев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 287 с.
5. Хлезов, А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. / А. А. Хлезов. – СПб.: Евразия, 2002. – 336 с.

6. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского. – М.; Л., 1939. – 114 с.

7. Старшая Эдда: эпос / пер. с древнеисл. А. Корсуна. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 464 с.

8. Беовульф: эпос / пер. с древнеангл. В. Тихомирова. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 288 с.

9. Гуревич, А. Я. «Эдда» и сага / А. Я. Гуревич. – М.: Наука, 1979. – 192 с.